

АЛЕКСАНДР ОЖИГАНОВ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ-3

1997 № 20

СИТУАЦИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА
 - это "исчезновение таких категорий, как истина, реальность, индивидуальность, авторство, время, история..." (М.Эпштейн) Перечисление заняло бы всю полосу. Может быть, третье тысячелетие вообще не наступит, и вместо единицы двойку заменит ноль? Но я не цифирный пророк. Вспомним начало века: "ситуация" та же. "Славьте меня! // Я великих не читаю... // Я над всем, что сделано, // ставлю "nihil". // Никогда // ничего не хочу читать. // Книги? // Что книги!"- как из бочки, декламировал горлан-главарь, на практике демонстрируя, что "Единица - вздор, единица - ноль" и являя нам бартовского субъекта как "сугубое чередование - появление и исчезновение цифры "ноль" (Барт), чтобы обрушить на нас наконец дырбулыш самовинного слова: "В.И.Ленин" и "Хорошо".

В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА "литературы и вовсе не будет"- декларирует участник круглого стола "XX век: Искусство. Культура. Жизнь." ("Вопросы литературы", ноябрь-декабрь 1996) А.Василевский.- Конечно, и книжки будут издаваться и авторы тусоваться, но... РЕАЛЬНЫЙ УСПЕХ И ВЛИЯНИЕ БУДУТ ИМЕТЬ ТОЛЬКО ТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И АВТОРЫ, ЧТО БУДУТ ИЗДАВАТЬСЯ И ПОТРЕБЛЯТЬСЯ ПО ЗАКОНАМ МАСС-МЕДИА". К сожалению, нечто подобное написано и А.С.Кушне-

будь стоит прочно? Ни у кого нет определенной сферы деятельности... ничего устойчивого, ничего постоянного, все течет, все исчезает... Массы подчиняются известным силам, стоящим у вершины общества. Непосредственно они не размышляют. Среди них имеется известное число мыслителей, которые за них думают... А теперь, я вас спрошу, где наши мыслители? Кто из нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?"- ситуация постмодернизма 166 лет назад.

Может быть, "теперь" за нас думает Эпштейн, который, используя метод наложения текстов (Бердяева, Ленина...), доказывает, что и коммунизм ("коммунальный, общественный дух действовал в истории России задолго до того, как она познакомилась с учениями Маркса и через них осознала свою миссию") и постмодернизм как последняя стадия коммунизма ("интуиция пустоты... основная религиозная интуиция российской цивилизации") зародились в России ("стране фасадов"- цитирует Эпштейн де Кюстина), в Ничто. "Русский дух не сказался в словесном и мысленном творчестве", - цитирует Эпштейн уже Флоровского и продолжает сам: "Впоследствии, вооружившись немецкой диалектикой, Ничто научилось мыслить, но само мышление оказалось формой деградации смысла и проступания через него негативного абсолюта. Этот абсолют, уже в характерно российской манере, не удовлетворяется восточным самосозерцанием и молчанием (к которым - помните? - нас призывает еще один думающий за нас мудрец - Генис), а хочет обнаружить себя через работу и игру понятий, активно обнажающих свое собственное ничто".

("Истоки и смысл русского постмодернизма", "Звезда", 1996, N8) Ложь - это не полная противоположность правды, а ее искажение, нередко кажущееся правдоподобней последней. Хотя вряд ли кому-нибудь придет в голову видеть в колхозах и "трудколлективах" торжество пресловутого "общинного духа". Но предположим, что некий "русский дух" (или "вампиризм" - по Эпштейну), пусть и не сказался в словесном творчестве, Эпштейну, как Бабе Яге, не по нраву. (Хотя... если постмодернное - основа "русского духа", а русская литература от Пушкина по сегодня сплошной постмодерн, то как "не сказался"?). Ведь никого не введут в заблуждение "ностальгические" стансы Ивана Эпштейна: "Ночь, Россия, я и Пушкин. // Я и Пушкин... Погоди. // Леса темные верхушки // Только видны впереди..." И никто не поверит его же "Голосу" с эпиграфом из Ахматовой "Мне голос был. Он звал утешно":

...И если я чего-то хочу,
 То это вернуться в родную землю,
 Прижаться к ней, сказать Ильичу:
 Тебя и дело твое приемлю.
 Слез не роняя, зажечь свечу
 И помянуть Степана, Емелья...

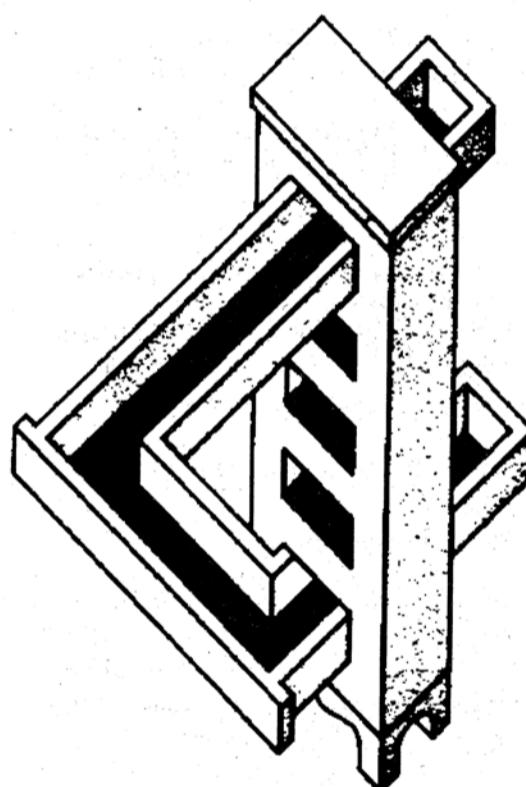
Нет, нет, и в прекрасном далеке загадочный "русский дух" донимает Эпштейна, и он находит, хоть и не оригинальный, но способ избавиться от этого духа. Выход такой: "Не от хорошего к плохому. И не от плохого к хорошему. А от хорошего и плохого - к... никакому. (Выход, надо признаться, вполне в "русском духе" с его "интуицией пустоты" - А.О.) Ведь что человеку нужно? Ему нужна поэзия... Вот он и получает эту поэзию в "никаких стихах"... Не станем же мы утверждать, что какой-нибудь народный стишок, "тары-бары", выше Пушкина или Пастернака. Но ПОЭТИЧЕСКИЙ ЗАПРОС МАССОВОЙ ДУШИ он может удовлетворить полнее, чем Пушкин или Пастернак... И уже не важно, какая строка от Пушкина, какая от Блока, а какая от Соловьева или Иванова с Сидоровым, - важно, что все это вместе и есть поэзия: то, что бормочется, мурлыкается, горчит в душе и услаждает душу". (ПОЭЗИЯ КАК СОСТОЯНИЕ. Из стихов и заметок Ивана Соловьева. "Новый мир", 1996, N8) Например: "Только слышны звуны, звуны, // Только горький дым в ноздрях... // Пушкин. Белые колонны. // И России тонкий прак". Вам стихово? (Эпштейн: "Быть поэтом не в именительном, а дательном падеже, тем, кому стихово"). Конечно, Иван Эпштейн (или Михаил Соловьев?) "иронизирует", и здесь, должно быть, уместнее не "он думает", а

"думает за нас", удовлетворяя запросы (каких там теперь?) масс. "Вообразим себе эстетику (если только само это слово еще не вполне обесценилось), до конца (полностью, радикально, во всех смыслах) основанную НА УДОВОЛЬСТВИИ ПОТРЕБИТЕЛЯ - кем бы он ни был... и последствия окажутся огромными, поразительными..." (Р.Барт)

Тысячи лет на Земле процветала (другой ведь и не было) МАССОВАЯ КУЛЬТУРА, сотни лет ЭЛИТА питалась и вдохновлялась этой культурой, затем от нее отвернулась и прокляла, наладив поточное производство джамбулов джамбаевых и майклов джексонов, и наконец так затурила эту "массу", что массовая культура выдохлась, извратилась, почти исчезла. Бартольд, мотаясь по Средней Азии в поисках ее остатков, как-то бросил в сердца: "Ваши головы набиты одним хлопком!" Но чья же это вина? Если вся Средняя Азия покрылась хлопком, хлопок подступает вплотную к домам, и все от мала до велика ищут на хлопковых полях, отравленных химикатами, рождая недоумков и разваливаясь к сорока годам. Если на нас работает Голливуд и другие компании по производству "культуры для масс". Если за нас думают Кохиновы и Эпштейны. 66 лет назад Орtega-и-Гассет отрицал само наличие эстетического восприятия у европейцев. Теперь уже утверждается, что "эстетическое как таковое принадлежит массам" (Поль де Ман), и поэтому надо преодолеть эстетику. Отдать сегодня эстетику на откуп "массам" - значит в действительности отдать всю культуру в руки тех "избранных", кто эту "массовую культуру", культуру ДЛЯ МАСС...творит? - производит. Телевизоры включены во всех квартирах: кто восторгается "Санта-Барбара"? "Элита" становится массовой: и Эко, и Коппола, и "Остров Крым", и балабановский "Замок" - ДЛЯ МАСС. И завтра мы все насладимся психологическим триллером "Процесс". Сегодня не только опять предпочитают Бенедиктова, но и уверяют, что Пушкин - почти Бенедиктов. Примитивное логоцентристское мышление якобы строило свою систему ценностей на ЛЕВЫХ членах бинарных оппозиций (например: ДОБРО - зло, здоровье - это болезнь, ум - это глупость, понимание - это непонимание, мужчина - это женщина и т.д.), как будто жизнь качнется вправо, качнувшись влево.

И это не схоластические упражнения: например, уже Жорж Батай сделал вывод, что литература "является ярко выраженной формой Зла - Злом, обладающим особой, высшей ценностью, развернув перед нами целую серию "певцов" этого Зла, в которой главным козырем, разумеется, является Сад. И все ведь предельно просто, несмотря на стремление постмодернистов писать метафорически: "Именно садизм является Злом; убийство ради материальной выгоды - еще не настоящее и чистое Зло, чистым оно будет, когда убийца, помимо выгоды, на которую он рассчитывает, получает наслаждение от содеянного". Вот и Барт самые вдохновенные строки посвятил описанию "эротической машины" Сада: "продуманному (придуманному) нагромождению тел, органы наслаждения которых тщательно состыкованы друг с другом; когда конвульсивными движениями участников эта машина приходит в действие, она подрагивает и издает приглушенный гул - она работает, и работает исправно... А бывает ли гул от языка?"- вопрошает Барт, и далее следует не менее восторженное описание хунвэйбинов с цитатниками, приведенное в "Предопределении поэзии-1". Чикатило и хунвэйбины - вот с кого (так же демагогически как и у Маяковского) предлагается ныне "делать жизнь". Ведь Батай, конечно, лукавит, утверждая, что человек, прочитавший Сада, забывает от потрясения, и более искренен, когда признается: "От чудовищного творчества Сада исходит скука, но именно эта скука и есть его смысл". В этом же - "смысл" НИКАКОЙ ПОЭЗИИ у Эпштейна. Литература - игра? Эко открыли... Играйте!

Перформанс: 1. Света Литвак в белом плаще декламирует нечто о "женской доле" ("Если бы я была женщиной, я бы повеси-

О.Ройтерсверд.
Из серии "Японские перспективы"

ром: "Торжество массовой культуры неизбежно, неотвратимо и, по-видимому, совершено справедливо. Большинство человечества имеет право на утверждение своих вкусов и на то, чтобы с ними считались". ("Новый мир", 1996, N5) Кушнер пишет о "большинстве человечества". В 1930-м году Орtega-и-Гассет - "за редчайшими исключениями" - отнес к "вульгарным индивидам" всех европейцев: "Шквал повального и беспросветного фиглярства катится по европейской земле. Любая позиция утверждается из позерства и внутренне лживая... Массовый человек боится встать на твердый, скальный грунт предназначения (точнее и проще сказал Мандельштам: "Мы живем, под собою не чуя страны" - А.О.); куда свойственнее ему прозябать, существовать нереально, повисая в воздухе", - СИТУАЦИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА 66 лет назад. Почти 166 лет назад Чаадаев ни для кого не сделал исключений: "Взгляните вокруг. Разве что-ни-